

К. А. Быков**Вологда во французской прессе 1918 г.**

Автор вводит в научный оборот ранее не переведенную на русский язык публикацию французской газеты «Le pays de France», содержащую наблюдения и оценки иностранного корреспондента, касающиеся пребывания дипломатов стран Антанты в Вологде в 1918 г.

Имя корреспондента скрыто под псевдонимом, но, по косвенным свидетельствам, им мог быть коммерческий атташе французского посольства граф Де-Сан-Совер либо атташе граф Луи де Робиен.

Репрезентация Вологды в воспоминаниях иностранца носит амбивалентный характер. Не лишенный литературных достоинств текст представляет провинциальный город «большой деревней», «Россией с открытки», наполненной шокирующими заграничных гостей «красочными оборванцами». Очерк Вологды соединен с описанием «походного вагонного быта» дипломатических миссий, которые «печатают, шифруют, дешифруют под удивленным взором местных, не склонных к способности мыслить». Публицистическая зарисовка заканчивается красноречивым выводом о том, что «в этих передвижных канцеляриях в Архангельске и Владивостоке, более чем в Москве и Петрограде, может быть и готовится судьба России».

Перевод публикации с французского языка выполнен автором.

Ключевые слова: Россия в 1918 г., Вологда, провинциальный город, Дипломатическая столица России, французская пресса, Le pays de France, Le Matin, французское посольство, Луи де Робиен, Жозеф Нуланс, Дэвид Френсис, Первая мировая война.

К. А. Bykov**Vologda in French Press of 1918**

The article deal with the publication from the French newspaper «Le Pays de France» about the diplomats of the countries of the Entente who were in Vologda in 1918. The author of this article is one of members of the diplomatic vanguard which appeared in the country town because of the greatest political events of the termination for Russia of the World War I. One of the French newspapers where records of the diplomat were sent, recorded a unique phenomenon of the world value – transformation of a rather small provincial center into the diplomatic center. The main information on the reasons of arrival of the French diplomatic mission to Vologda, and also a set of data on the city in 1918 are provided in it. The shape of a country town, locals and the Russian population which is started up in uncontrolled travel about the country, and also life of the French Embassy which had to live and work in cars at the station – are the main subjects which are described by the diplomat.

The name of the French author of the article is concealed by a pseudonym and demands further identification. The «Le Pays de France» newspaper is widely known in France. The translation of the article from French done by the author is published in Russian for the first time.

Keywords: Russia in 1918, Vologda, a country town, the Diplomatic capital of Russia, the French press, «Le pays de France», Le Matin, the French Embassy, Louis de Robiyen, Joseph Noulans, David Francis, World War I.

Изучение революционных 1917–1918 гг. приобретает особую актуальность с приближением столетнего юбилея событий, изменивших историю России. Две революции, выход России из Первой мировой войны, начало Гражданской войны – каждое из этих грандиозных событий породило множество локальных социальных и культурных феноменов, мозаика которых в неожиданных ракурсах современных исследований может проявить совершенно новую картину революционных лет. Особое место среди таких событий занимает феномен Вологды – посольской столицы России в 1918 г., когда плеяда дипломатов-союзников на несколько месяцев поселилась и

вела активную деятельность в провинциальном городе.

Активизация отечественных изысканий в этой области, их интеграция с международной исследовательской средой открыла доступ ко множеству источников, доступных ранее только для избранных, вхожих в «спецхраны». В последние десятилетия было переведено и проанализировано немало иностранных трудов, посвященных 1918 г. Однако задача собрать воедино и систематизировать все публикации по теме революции и Гражданской войны в России, изданные за рубежом, до сих пор остается нерешенной. Данная статья обращается к новому, неизвестному ранее источнику

о пребывании посольств в Вологде – французскому журналу «Le pays de France», опубликовавшему свидетельства очевидца: члена французской миссии о переезде дипломатов в провинциальный город.

Существует целый комплекс письменных источников о Вологде в 1918 г., принадлежащих авторству дипломатов-участников событий. К ним относятся воспоминания американского дипломата Френсиса [7], письма его слуги Филиппа Джордана [2], книга о миссии в России французского посла Нуланса [10], дневник его атташе графа Луи де Робиена [11], мемуары британского поверенного в делах Линдлея [1] и заметки английского журналиста Рэнсома [8]. В этих воспоминаниях Вологда предстает городом, не знавшим ужасов революции. Здесь не было мощных военных действий во время февральских и октябрьских событий 1917 г. Смена власти происходила бескровно и мирно. Город не испытывал потребности в провизии, как это было в Петрограде. Кроме того, Вологда обладала «провинциальным шармом», который завораживал дипломатов. Особое место в «вологодском наследии» занимают фотоматериалы, в частности, снимки сотрудника американского Сити Банка Джеймса Прингла [3, с. 231], а также фотографии, сделанные французском послом Нулансом [10, с. 97, 225, 226, 241, 242]. Перечисленные мемуары введены в научный оборот, некоторые их главы изданы на русском языке.

Вологодские периодические издания содержат довольно много информации о пребывании дипломатов, фигурирующей в специальных исследованиях на тему посольской столицы. Однако об иностранной периодической литературе – газетах и журналах, которые могли бы напечатать статьи и заметки о дипломатах, пребывавших в Вологде, – на данный момент известно чрезвычайно мало.

Недавно автором был обнаружен французский источник, в одном из номеров которого ведется речь о пребывании дипломатов в Вологде. Статья о них была опубликована в газете 1918 г. «Le pays de France».

Фрагмент газеты был найден автором на сайте аукциона Delcampe [6]. По запросу «Vologda 1918» одна из поисковых систем выдала ссылку на лот «Le pays de France». Владелец лота, к счастью, не поленился кратко анонсировать содержание публикации, на которое и среагировал интернет-поисковик. Кроме того, в фотографиях лота присутствовали снимки статьи. Полностью прочитать ее было нельзя, однако фрагменты свиде-

тельствовали, что речь в ней действительно ведется о событиях, связанных с пребыванием дипломатов в Вологде. После приобретения газеты автором стала возможна публикация текста данной статьи и дальнейший ее анализ.

Газета «Le pays de France» существовала с 1914 по 1919 г. Она выпускалась редакцией газеты Le Matin, первое время раз в месяц, затем еженедельно. Концепция газеты состояла в популяризации путешествий среди французов, поэтому издание выходило под эгидой Министерства туризма Французской республики [9]. С начала Первой мировой войны газета заняла патриотическую позицию и начала активно освещать боевые действия, им отведена большая часть полос. Военные корреспонденты описывали и комментировали события на фронтах, публиковали фотографии с театра боевых действий. Часто на страницах газеты появлялись оперативные карты, карикатуры на противника, а на обложках – политики и военные Франции и союзных стран.

27 июня 1918 г. выходит очередной номер «Le pays de France», в котором появляется статья «Les tribulation des Ambassades alliées», посвященная финским и вологодским приключениям дипломатов-союзников. В этом номере она находится среди военных сводок за неделю, информации о боях на севере Франции и военных фотохроник. О туристической тематике газеты напоминают лишь две страницы с фотографиями Альп в Италии и Австрии. Из 16 страниц издания две занимает статья о дипломатах в России. Текст публикации содержит серию снимков, из которых один посвящен Финляндии, остальные – Вологде. Это фотографии архиерейского подворья с видом на Пятницкую башню, вологодских крестьян на рынке, вагонов на вокзале с подписью «Жилье французского посла», а также снимок мужчины и женщины «В теплушке». Качество снимков существенно проигрывает другим фотографиям журнала, поскольку они сделаны на любительском уровне.

Статья написана от имени некоего французского корреспондента за подписью «XXX». В аннотации сказано, что журналист являлся сотрудником посольства, очевидно французского, и был с дипломатами во время отъезда из Петрограда и визита в Вологду. За подписью под статьей «XXX» мы не в состоянии установить реального имени дипломатического чиновника, однако сделать ряд предположений представляется вполне возможным. Все ключевые служащие посольства Франции под руководством Жозефа Нуланса были в Вологде и работали в штатном режиме. Вероят-

но, мелкий сотрудник посольства, фигура которого не имела какого-либо дипломатического значения, не стал бы скрывать свою истинную фамилию. Скорее всего, это был кто-то из ведущих дипломатов, основных служащих французской миссии.

Предполагаемыми авторами, на наш взгляд, могут являться граф Де-Сэн-Совер или граф Луи де Робиен. В пользу первого сотрудника свидетельствует публикация в газете «Вологодский листок» заметки о том, что коммерческий атташе граф Де-Сан(Сэн)-Совер покинул Вологду 21 апреля 1918 г. и направляется на родину для отдыха [4, с. 3]. Редакция «Le pays de France» указывает на то, что не вся корреспонденция от автора дошла вовремя, поэтому статья представляет собой фрагмент, касающийся только пребывания дипломатов в Финляндии и Вологде [12, с. 6–7]. Для коммерческого атташе вологодские события были в числе последних впечатлений о революционной России. Возможно, Сэн-Совер отправил очерк в редакцию газеты уже за пределами страны. Это объясняет задержку публикации, так как корреспонденция с событиями марта-апреля 1918 г. вышла только в конце июля. Кроме того, в статье упоминаются статистические данные о недостатке прибыли с железнодорожных перевозок [12, 7]. Такие сведения мог иметь коммерческий атташе, тогда как другим сотрудникам они могли быть недоступны или неинтересны.

В пользу версии об авторстве Луи де Робиена, атташе французского посольства, свидетельствует его склонность к литературной деятельности. С самого прибытия в Россию он начал вести заметки, которые в дальнейшем были изданы под названием «Дневник дипломата в России 1917–1918». Дипломат дает живое, яркое описание множества событий, которые происходили в период его службы в России. Характеристика городской среды, приведенная в статье, – как раз в духе заметок Робиена. Неизвестный автор, как и Робиен в своих мемуарах, употребляет русские слова, заключенные в кавычки, написанные транслитерацией. Примечателен и тот факт, что в мемуарах атташе посольства отсутствуют записи о первых неделях пребывания в Вологде. Вполне возможно, что статья как раз является недостающим отрывком из дневника Луи де Робиена. Результаты сравнения текстов мемуаров и статьи могут стать предметом дальнейших исследований, как и вопрос об авторстве публикации «Les tribulation des Ambassades alliées».

Статья, датируемая 10 апреля, относится к периоду, когда в городе прочно обосновались только дипломаты «первой волны» – американское, японское, бразильское, сиамское и китайское посольства. Французское, итальянское, сербское посольства жили и работали в вагонах на вологодском вокзале.

Корреспондент газеты сознательно не акцентирует внимание на политической жизни в России, лишь упоминает о причинах и целях пребывания посольств в Вологде. В центре его интересов – повседневная жизнь русских людей. Автор рассказывает о том, что вряд ли составило бы контент политической газеты, но для туристического журнала свидетельства русской жизни, полученные от очевидца событий, стали гвоздем номера.

Внимание автора занимает быт низов русской провинции: вологодские оборванцы, а также всевозможные странники, которые переезжали из одного города в другой в бесплатных вагонах-теплушках, кажутся корреспонденту уникальным явлением жизни страны. Он искренне удивляется «вагонному быту» этих людей, в которых проснулась «страсть к кочевничеству». «Несостоятельная» причина таких перемещений – путешествовать не важно куда, мирясь с тяжелейшими условиями быта, – кажется, приводит француза в ужас. В статье возникает сравнение дипломатов с русскими «кочевниками». Им приходится работать в вагонных условиях и переезжать с места на место в поисках пристанища, пока локомотив революции не свернет на рельсы мирного созидания.

Статья «Les tribulation des Ambassades alliées» из журнала «Le pays de France» публикуется на русском языке впервые. Перевод выполнен автором. В отрывке опущен фрагмент, касающийся финского путешествия дипломатов, оставлен только вологодский период пребывания иностранных миссий. Фотографии Вологды, иллюстрирующие статью, к сожалению, не могут быть опубликованы в настоящий момент, поскольку требуют серьезной обработки для улучшения качества. Существуют определенные трудности и для желающих ознакомиться с газетой «Le pays de France»: в оцифрованном виде ее пока нет, в большинстве отечественных библиотек – тоже. В связи с этим автор представляет оригинальный текст статьи на французском языке и ее перевод.

Les tribulation des Ambassades alliées

Vologda, 10 avril 1918

Les missions alliées n'ont établi leur résidence à Vologda que pour se ménager des issues dans cette Russie que

l'Allemagne et le bolchevisme remplissaient de menaces proches ou lointaines. La voie d'Arkhangel s'y embranche sur le Transsibérien et c'est de Svanka, entre Petrograd et Vologda, que part la ligne d'hiver conduisant au port de Mourman au travers des marais de Carélie. Ce noeud de chemins de fer permettra donc, s'il le faut, de se dérober à toute atteinte, soit en s'enfonçant dans les plaines d'Asie, soit en gagnant les mers glaciales ; en outre, le contact direct avec Petrograd et Moscou donne aux diplomates la faculté d'être aisément renseignés sur ce qui s'y passe, en évitant l'étrangeté du séjour dans une ville qui a cessé d'être une capitale et dans une autre où réside un gouvernement avec lequel l'Entente refuse de causer.

Mais, certes, ni le confort, ni la beauté n'entrèrent dans la compte des arguments qui ont déterminé ce choix. Les mois de mars et d'avril sont les mois ingrats de l'année russe. C'est le temps du dégel, quand la robe virginale de l'hiver se corrompt et tourne à la fange. Des ruisseaux travaillent la neige, l'érodent et la minent; le soleil et l'averse la persillent ; des plaques d'éteule et d'humus apparaissent çà et là. Il pleut souvent et le soleil, qui rend parfois le ciel d'ici pur et printanier, n'est par encore assez constant pour effacer le souvenir des ondées. Vologda, dont les maisons s'éparpillent dans les champs ainsi qu'un grand village, offrit aux ambassadeurs, en ce timide printemps, le spectacle désolé des banlieues pauvres.

Elle leur a surtout réservé l'étonnement de sa boue. L'imagination d'un Occidental sédentaire ne pourrait se tracer un tableau des rues de cette province au temps de la «raspoutiza». Les ornières y prennent des proportions d'abîmes où stagne une eau noire effleurée par les premières mouches que fait naître le jeune soleil; des ruisseaux s'y frayent de pénibles passages vers la rivière Vologda et ses misérables affluents, car la ville ne possède aucun système d'égouts; la poussière et le crottin de l'autre été, que la neige et la glace avaient longtemps dissimulés, reparaisent et les corneilles s'y abattent par vingtaines. De petits trottoirs de bois, établis sur pilotis, permettent seuls de circuler; mais, pour la traversée des rues, si le hasard favorable n'a point ménagé quelque gué, il faut se résoudre à entrer dans la boue jusqu'au mollet et à recevoir jusqu'au chapeau l'aspersion des jus variés que projettent, au passage, les pouilleuses voitures de l'endroit.

Certes, les muojiks, vêtus de peaux de mouton retournées ou de draps effrangés, chaussés de hautes bottes d'un cuir durci, donnent l'exemple d'un mépris cuirassé par l'habitude pour ces chemins noirs et visqueux : ils vont sans souci dans la boue profonde, qui les transforme parfois en étranges blocs de terre qui marcheraient ; le haillonnement dans ce coin de grande Russie atteint ces proportions telles qu'on ne peut le concevoir en dehors de l'intervention volontaire et consciente de l'homme ; j'ai admiré au seuil d'une église, un pauvre si ingénieusement loqueteux, exposant un si complexe ensemble d'étoffes déchirées, de doublures trouées, de pièces disparates et percées à leur tour, que je le crus tout d'abord fabriqué tout exprès pour exciter la pitié publique. Mais non j'ai vu, par les rues, vingt de ses pareils et ils ne mendiaient pas.

Certes, la population de Vologda ne manque pas d'un certain pittoresque crasseux; sa maillopropreté atteint presque au style, surtout quand elle se réunit autour des boutiques de bois du marché en plein vent. Avec ses échoppes basses et de guingois, faites de troncs superposés, tous ronds et imbriqués aux angles, ses étalages flottants que protège une icône, les bulbes verts, or et argent des églises proches, en profil sur le ciel, la découpe d'un pignon, quelques vieillards barbus qui ont déjà leur chemise rouge du bon temps, des femmes bottées sous la robe et le fichu coloré cachant bien la chevelure, le «gostinnendvor» de Vologda donne l'impression d'une Russie d'estampe. Et, dans la ville entière, cette impression s'accuse et se confirme. Tout se dessine comme une image, par grandes étendues et quasi sans perspective: il y a, je crois, soixante églises, et ce sont toujours les mêmes tours bien blanches par-dessus lesquelles, en nombre impair, ballonnent les bulbes couleur de jeune feuille ou brillant d'un clinquant neuf, comme des ornements d'arbres de Noël. Le kremlin, qui possède une coupole à l'italienne et un cloître où se dépaissent les ogives d'un gothique sommaire, pousse la vivacité de ses couleurs rose, or, vert, argent, blanc de chaux, et maints oripeaux aux tons vifs jetés sur une balustrade bleue, jusqu'à l'harmonie fraîche et tendre d'une ruelle napolitaine.

L'ambassadeur d'Amérique fut le premier à s'installer à Vologda, au début du mois de mars. Il y loua une grande maison de bois jaune, dont la façade à colonnades surmontée d'un fronton triangulaire avait l'air d'un temple grec érigé au moyen d'un jeu de construction d'enfant. Elle avait jadis servi de club à la société vologdienne; sir Francis y trouva des jeux, un billard et des tables pour les cartes; il y eut donc, comme à Petrograd, le poker et le bridge de l'ambassadeur; il y eut des thés hebdomadaires qui réunirent le corps diplomatique et la société de la ville, composée de provinciaux engoncés et de quelques nobles émigrés de Moscou.

Mais l'ambassadeur de France et les ministres d'Italie de Serbie, puis de Belgique, qui vinrent rejoindre les Américains après l'aventure de Finlande, ne sont point descendus en ville jusqu'à présent – faute d'avoir pu s'y loger – et sont restés dans leurs trains, en gare. Leur séjour n'y est pas plus confortable, et de beaucoup s'en faut. Certes les nuits manquent de calme: dès l'heure du sommeil commence le concert des locomotives, donc Vologda possède un parc entier. Selon l'habitude russe, les machines sifflent pour s'ouvrir la voie, pour annoncer leur passage, pour signaler leur départ, pour rentrer à l'atelier, pour l'accrochage et le décrochage...; chacun de leurs nombreux mouvements est précédé et suivi d'une modulation différente de puissantes sirènes auxquelles répondent, lointaines ou proches, d'autres sirènes. Et ce sont pendant toute la nuit des cris tragiques de bêtes assassinées, de brusques barrissements, des stridulations prolongées, des beuglements répétés, des supplications de désespoir ou des cris de joie, d'impertinentes petites chansons sur lesquelles on met involontairement des paroles d'insulte et qui se renouvellent, absurdes et insistantes jusqu'à l'obsession. Puis, quand l'aube naît, les corneilles s'abattent sur le zinc des toitures

et marquent du bec et de la patte la cadence de leurs promenades qui déchiquettent le dernier sommeil.

Le jour venu, le grand trafic de la gare commence. Etrange gare! On n'y voit pas un wagon de marchandise mais, par centaines, des trains d'emigrants. Ce sont tantôt des prisonniers autrichien et allemands, qui s'accotent au train des diplomates alliés pour écouter un vieil orgue de barbarie moudre un retrain monotone: ce sont, le plus souvent, des Russes, paysans, ouvriers, soldats, se livrant ou plaisant du voyage en commun dans les «tiéplouchka».

La «tiéplouchka» est un fourgon à bagages, monumental comme toutes les voitures du réseau russe, au milieu de laquelle brûle un feu qui tient chaud à l'intérieur; c'est du mot chaud – tiéplo – que vient le nom de cette étrange voiture spéciale. Le feu est souvent un poêle, mais parfois tout simplement un amas de bûches groupées au milieu du wagon et qui fument plutôt qu'elles ne flambent: pendant que les voyageurs sont dans la «tiéplouchka» on surveille le feu et on empêche la contagion de l'incendie; au départ, un coup de talon éteint les tisons. Parfois une étincelle transforme la voiture en bûcher, d'où les nombreuses carcasses de fer noirci que l'on rencontre, le long des voies ferrées, couchées au revers du talus.

Dans la «tiéplouchka» le peuple voyage gratis. Il profite ainsi d'une mesure démagogique qui date de l'Empire, et dont les seuls résultats furent de réveiller dans l'âme du Russe un nomadisme à peine endormi et de flatter son goût de la paresse; quand à la répercussion du système de la «tiéplouchka» sur le trésor public, elle est indiquée assez clairement par les dernières statistiques qui accusent pour l'année écoulée, un déficit de six milliards dans le seul budget des chemins de fer.

Les missions alliées ont eu le loisir de se rendre compte du fonctionnement de ces trains de plaisir; ils les ont vus tous les jours se remplir sur les voies les plus proches. Les voyageurs arrivent dès les premières heures de la journée chargés de leurs sacs et de leurs besaces d'où déborent des vêtements, des couvertures, de la nourriture, dans le plus extraordinaire pêle-mêle: mais tous portent religieusement cet indispensable compagnon du voyageur russe, la bouilloire, dans laquelle on va chercher aux gares le «kipiatok», l'eau bouillante pour le thé. On entre tant bien que mal dans la «tiéplouchka» et quand elle semble trop pleine, les candidats au voyage, debout sur le quai, parlementent avec leurs camarades déjà placés; longs palabres sur le ton plaintif du langage russe au bout desquels ils parviennent à pousser un de leurs colis par la porte à glissière et s'insinuer eux-mêmes. Derrière eux, d'autres colis frayent le chemin à d'autres voyageurs et l'on est tout étonné de voir entrer dix personnes dans un fourgon déjà bondé.

Dans la «tiéplouchka» chacun se tasse et s'installe, à croqueton, près du feu qui fume, ou couché dans les coins, la tête sur des ballots. On y dort pêle-mêle, on s'y livre à des soins variés de toilette et de propreté. Quelques familles ont transformé leur «tiéplouchka» en une véritable demeure. J'y ai vu un lit complet, un berceau avec des rideaux, une table couverte de légumes et sur la quelle la ménagère préparait un repas dont les premiers éléments

mijotaient sur le poêle commun. Et tout cela dans le plus ineffable décor de saleté qui se puisse imaginer. Quand le nettoyage du wagon s'impose trop vivement, ses habitants raclent les planchers avec des bouts de bois. Les détritiques s'entassent sur le quai et j'ai vu, dans la gare de Vologda, un de ces amas d'ordures qui atteignait la hauteur d'un homme. C'était le produit d'une seule voiture.

Où vont les «tiéplouchkas»? Les voyageurs eux-mêmes l'ignorent. Ils y vont, non pour gagner un lieu déterminé, mais pour voyager, ou tout bonnement afin de trouver un coin où se tenir au chaud. J'en ai entendu qui demandaient au départ: «Où va ce train?» et d'autres qui, partis dans la direction de Svanka-Mourman, se sont vus poussés vers Omsk sans élever une protestation.

Pour rendre visite aux chefs de missions il faut passer sous des rames de wagons, grimper sur des boggies, patauger dans la boue dense du printemps russe. Et au milieu de cette gare bruyante et malpropre, encombrée d'une foule malodorante, on trouve installés dans les wagons-restaurants des bureaux actifs où des secrétaires chiffrent, déchiffrent, dactylographient, sous l'oeil étonné des indigènes peu enclins à comprendre que le destin de la Russie, qui étonné des mûrit à Arkhangel et à Vladivostok, autant et plus qu'à Petrograd et à Moscou, se prépare peut-être dans ces étranges chancelleries roulantes.

Злоключения посольств союзников

Вологда, 10 апреля 1918

Союзные миссии расположили в Вологде свои резиденции с единственной целью оставить за собой возможность выхода из России, наполненной близкими и отдаленными угрозами. Путь на Архангельск имел ответвление на Транссибирскую железную дорогу, от станции Званка между Петроградом и Вологдой шел путь, ведущий через болота Карелии в порт Мурманск. Этот железнодорожный транспортный узел позволял, если понадобится, ускользнуть от посягательства, либо углубляясь в равнины Азии, либо к северным морям. С другой стороны, прямой контакт с Москвой и Петроградом давал дипломатам возможность быть в курсе дел без необходимости находиться в городе, который перестал быть столицей и где расположилось правительство, с коим Антанта сотрудничать отказывалась.

Ни комфорт, ни красота были не в счет перед аргументами, определившими этот выбор. В России март и апрель – неприятные месяцы. Это время оттепели, когда девственное платье зимы портится и превращается в грязь. Ручейки разъедают и подтачивают снег. Солнце и ливни добавляют свою лепту, солома и перегной появляются то тут, то там. Часто идет дождь и чистое весеннее небо, редко озаряемое солнцем, омрачено прошедшими ливнями. Вологда, дома которой разбросаны в полях, как в большой деревне, представляет в эту весну печальное зрелище нищих пригородов.

Она удивила послов своей грязью. Воображение западного человека не может вместить вида улиц этой местности в период «распутицы». Выбоины соразмерны бездне, в них стоит черная вода, окруженная стай-

ками мух, зародившихся от первых лучей солнца. Ручейки пробиваются к реке Вологде и ее жалким притокам, поскольку город не располагает системой канализации. Пыль и навоз с прошлого лета, утаенные под снегом, проявляются на свет, и туда дюжинами садятся вороны. Только узкие деревянные тротуары на сваях позволяют передвигаться, но чтобы пересечь улицу, если не подвернется какой-нибудь брод, нужно решиться шагнуть по колено в грязи и быть облитым до самой макушки проезжающим мимо запаршивевшим автомобилем.

Мужики, одетые в бараньи шкуры наизнанку или в обтрепанное сукно, обутые в высокие сапоги из затвердевшей кожи, показывая пример закаленного безразличия к этим черным и вязким дорогам, беззаботно шагают по самой глубокой грязи, которая превращает их в странные марширующие комки грязи. Зажим критики в этом уголке большой России принимает такие размеры, что ее нельзя представить себе вне этого добровольного и осознанного вмешательства, – восхищаюсь я. На пороге церкви – нищий, так мастерски оборванный – в лохмотьях, «дыра на дыре». Я сначала поверил, что он нарочно выставляет напоказ свою нищету ради людской жалости. Но нет! Я видел на улицах десятка два подобных людей, и они не просили милостыню.

Население Вологды не испытывает недостатка в красочных оборванцах – их нечистоплотность представляет определенный стиль, особенно когда они собираются вокруг деревянных лавчонок на рынке на ветру. Это низкие хибарки и скособочившиеся домишки из сложенных друг на друга бревен, круглых и стыкующихся по углам: в них находятся качающиеся витрины, где хранят иконы, зеленые пузырьки, золото и серебро близлежащих церквей, на крыше конек. Несколько бородатых стариков, нарядившихся в красные рубашки из добрых времен, женщины в платьях и сапогах, цветных платках, прикрывающих шевелюру, «Гостинный двор» Вологды создает впечатление России с открытки. Город в целом это впечатление усиливает и подтверждает. Все вырисовывается как на картинке большой протяженностью и с чуть ли не бесконечной перспективой. Здесь есть, я думаю, около 60 церквей, все те же белые башни, и над каждой в непарном количестве купола цвета желтой листвы или сверкающие, как новая мишура, как украшения новогодних елок. Кремль с куполом на итальянский манер и монастырь, где стрельчатые готические арки кажутся непривычными, отличается яркостью красок: розовой, золотой, зеленой, серебряной, известковой. Много медной фольги ярких оттенков на голубой балюстраде напоминает нежную гармонию неаполитанской улочки.

Первым расположился в Вологде в начале марта американский посол. Он снял большой желтый деревянный дом с фасадом с колоннами под треугольным фронтоном, похожим на греческий храм, возведенный как игрушечный домик из детского конструктора. Дом раньше использовался в качестве клуба для вологодского общества. Сэр Френсис проводил там время за игрой

в бильярд и карты, как и в Петрограде, играл в покер и бридж. Здесь еженедельно собирался дипломатический корпус и городское общество, состоящее из неловких провинциалов и нескольких знатных эмигрантов из Москвы.

Посол Франции, министры посольств Италии, Сербии, Бельгии, собиравшиеся присоединиться к американцам, после приключения в Финляндии до настоящего момента не стали даже сходить с поезда. За неимением возможности разместиться в городе остались в поезде на вокзале. Их пребывание оказалось не слишком комфортным: ночью не доставало тишины – во время сна начинался концерт локомотивов, которых в Вологде целый парк. По русской привычке машины свистели, когда нужно было открыть путь, чтобы обозначить свой проезд, чтобы отметить отбытие, чтобы вернуться в депо, при прикреплении и отцеплении вагонов. Каждое из их многочисленных движений сопровождается разными по силе сиренами, на которые откликаются близко или издалека другие сирены.

В течение всей ночи слышатся трагические крики убиваемых животных, внезапный рев, протяжное стрекотание, повторяющееся мычание, отчаянные мольбы и крики радости, глупые песенки, на которые невольно накладываются обидные слова, но они звучат вновь нелепо и настойчиво, как наваждение. На заре вороны начинают драться на крыше вагона и отбивают такт и клювом и лапами так, что разгоняют последний сон. Наступает день, на вокзале начинается движение. Странный вокзал! Товарных вагонов не видно, но вокруг сотни поездов с эмигрантами. Австрийские и немецкие военнопленные сгруппировались вокруг поезда с дипломатами, чтобы послушать, как старая шарманка отбивает монотонный припев. Чаще здесь русские крестьяне, рабочие, солдаты, с удовольствием путешествующие вместе в «теплушке».

«Теплушка» – это такой фургон для багажа, как водится в транспортной системе русских, внутри которого горит огонь и поддерживает тепло внутри. От слова «teplo» пошло название этого особенного вида транспорта. Огонь в печке, но иногда это дрова, сложенные посреди вагона, которые скорее дымятся, чем горят. Путешественники присматривают за огнем и предотвращают пожар, а по приезде ударом каблука гасят головешки. Но порой искра превращала вагон в железный почерневший каркас, коих много покоится по сторонам железнодорожной насыпи.

В «теплушке» народ путешествовал бесплатно. Они пользовались спорным изобретением, установленным в период Империи и единственным результатом которого явилось пробуждение в русской душе страсти к почти угасшему кочевничеству и лени. Как следствие влияния системы «теплушек» на государственную казну, по последним статистическим данным, в бюджете железнодорожного транспорта в текущем году был отмечен дефицит в 6 миллиардов.

Союзным миссиям доставляло удовольствие отчитываться о работе этих забавных поездов. Они видели,

как каждый день наполняются вагоны. Пассажиры прибывали с раннего утра, нагруженные сумками и котомками, из которых торчала одежда, одеяла, еда (все вперемешку) и каждый благоговейно нес незаменимый аксессуар русского путешественника – кипятильник, с которым на вокзале можно сделать «kipiatok», кипящую воду для приготовления чая. Люди забирались с грехом пополам в «теплушку», и когда она оказывалась полной, желающие путешествовать, стоящие на платформе вели с уже разместившимися товарищами длинные переговоры в плаксивом тоне на русском языке, по окончании которых им удавалось протолкнуть кого-нибудь в дверь и влезть самим. За ними другие рассчитали путь следующим путешественникам, и с удивлением обнаруживалось, что их набилось еще с десятков укомплектованный вагон.

В «теплушке» все сучиваются, и каждый расползается: кто на корточках, кто у горящего огня, кто спит по углам головой на тюках. Спят вперемешку, (тут же) справляют свои нужды. Некоторые семьи превратили теплушку в настоящее жилище. Здесь и постель, люлька с занавесками, стол, накрытый овощами и на котором хозяйка расставила еду, приготовленную на общем огне. И все это в самом грязном убранстве, которое только можно представить. Когда требуется уборка, жители скребут пол ветками, мусор вытаскивают на платформу: я видел на вокзале в Вологде, что одна куча мусора достигала высотой человеческого роста.

Куда идет теплушка? Путешественникам без разницы. Они поднимаются в нее не для того, чтобы занять определенное место, а с целью путешествовать или попросту найти угол, где погреться. Я слышал как спрашивали у отъезжающих: «Куда идет этот поезд?» и те, отправившись по направлению Званка-Мурманск, обнаружили, что едут в Омск, и не подняли протеста.

Чтобы нанести визит главам миссий, нужно было пролезть под составом, взобраться на тележку вагона, шлепая по глубокой грязи русской весны. И посреди этого шумного и грязного вокзала, окруженные смрадной толпой расположившись в вагоне-ресторане, целые канцелярии и секретари печатают, шифруют, дешифруют под удивленным взором местных, не склонных к способности мыслить. В этих передвижных канцеляриях в Архангельске и Владивостоке более, чем в Москве и Петрограде, может быть, и решится судьба России.

Библиографический список

1. Быков, А. В. «В этом была вся суть...» Британский дипломат Ф. О. Линдлей и его «Русские мемуары 1915–1919 гг.» [Текст] / А. В. Быков. – Вологда, 2011.
2. Быков, А. В. Точка зрения слуги. Письма американского негра о русской революции (1917–1918 гг.) [Текст] / А. В. Быков. – Вологда, 2009.
3. Вологодский листок. – № 1299.
4. Дидковская, Н. А., Быков, К. А. Репрезентация образов столицы и провинции в фотоальбоме Джейм-

са Прингла (Петроград – Москва – Вологда, 1917–1918 гг.) [Текст] / Н. А. Дидковская, К. А. Быков // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – № 3. – Том I (Гуманитарные науки).

5. Delcampe auction [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.delcampe.net/page/item/id,276420419,var,1918-LPDFBelloy;Mery;St-Maur;-RUSSIEVologda;HELISINGFOR-S;Grappa;Asiago;Vien-tranchee;Camouflage-CANON;Oeuf-centenaire,language,I.html> (дата обращения 29.08.2015)
6. Francis D. Russia from the american embassy – New York, 1921.
7. Hart-Davis R. The Autobiography of Arthur Ransome – London 1976.
8. 9 Kaskapointe URL [Электронный ресурс]. – <http://www.kaskapointe.fr/pages/PaysdeFrance.htm> (дата обращения 29.08.2015)
9. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique 1917–1919 – Plon, 1933.
10. Robien L. Journal d'un diplomate en Russie (1917–1918) – Paris, 1967.
11. Le Pays de France. – № 193.

Библиографический список

1. Bykov, A. V. «V etom byla vsia sut'...» Britanskii diplomat F. O. Lindlei i ego «Russkie memuary 1915–1919 gg.» [Tekst] / A. V. Bykov. – Vologda, 2011.
2. Bykov, A. V. Tochka zreniia slugi. Pis'ma amerikanskogo negra o russkoi revoliutsii (1917–1918 gg.) [Tekst] / A. V. Bykov. – Vologda, 2009.
3. Vologodskii listok. – № 1299.
4. Didkovskaia, N. A., Bykov, K. A. Reprezentatsiia obrazov stolitsy i provintsii v fotoal'bome Dzheimsa Pringla (Petrograd – Moskva – Vologda, 1917–1918 gg.) [Tekst] / N. A. Didkovskaia, K. A. Bykov // Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2013. – № 3. – Tom I (Gumanitarnye nauki).
5. Delcampe auction [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://www.delcampe.net/page/item/id,276420419,var,1918-LPDFBelloy;Mery;St-Maur;-RUSSIEVologda;HELISINGFOR-S;Grappa;Asiago;Vien-tranchee;Camouflage-CANON;Oeuf-centenaire,language,I.html> (data obrashcheniia 29.08.2015)
6. Francis D. Russia from the american embassy – New York, 1921.
7. Hart-Davis R. The Autobiography of Arthur Ransome – London 1976.
8. 9 Kaskapointe URL [Elektronnyi resurs]. – <http://www.kaskapointe.fr/pages/PaysdeFrance.htm> (data obrashcheniia 29.08.2015)
9. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique 1917–1919 – Plon, 1933.
10. Robien L. Journal d'un diplomate en Russie (1917–1918) – Paris, 1967.
11. Le Pays de France. – № 193.